

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-6-46-53
УДК 32.019.5(045)

Роль идеологии в современной информационной войне

В.В. Кафтан^а, А.П. Погорельный^б

^а Финансовый университет, Москва, Россия;

^б Университет радиоэлектроники, Череповец, Россия

АННОТАЦИЯ

В ходе развития новых коммуникативных технологий, а также способов ментального влияния на аудиторию появился новый тип военного конфликта – информационная война. Основной упор в информационной войне делается не на причинение противнику физического насилия для его принуждения к своей воле, а на тотальное идеологическое воздействие и информационное подавление как вражеской армии, так и населения. В ходе такой войны, с помощью достижения информационного превосходства в медиапространстве, фактически определяется, кто будет назначен виновником, а кто – победителем, кто будет выступать в роли агрессора, а кто – в роли жертвы, кто заслуживает в глазах мирового сообщества всемерного осуждения, а кто нуждается во всесторонней поддержке. При этом информационное сопровождение военного столкновения определяет настроения, и, следовательно, обеспечивает эффективную поддержку собственной армии и населения, а, кроме того, внушает противнику понимание неправоты его действий, распространяет среди солдат и населения дух уныния и пассивности. Именно поэтому идеологическое основание информационной войны играет ключевую роль в ее подготовке, ведении и закреплении результатов в духовном пространстве общества после ее окончания.

Ключевые слова: идеология; информационная война; информационное противоборство; ценности; информационно-коммуникативная технология; фейк

Для цитирования: Кафтан В.В., Погорельный А.П. Роль идеологии в современной информационной войне. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(6):46-53. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-6-46-53

ORIGINAL PAPER

The Role of Ideology in Modern Information Warfare

V.V. Kaftan^a, A.P. Pogorelyy^b

^a Financial university, Moscow, Russia;

^b University of radio electronics, Cherepovets, Russia

ABSTRACT

With the development of new communication technologies, as well as ways of mentally influencing the audience, a new type of military conflict has emerged – the information warfare. The main emphasis in the information warfare is not on inflicting physical violence on the enemy, to bend him to your will, but on the total ideological impact and information suppression of both the enemy army and the population. During such a war, it is information superiority in the media space which actually determines who will be the culprit of the war, and who will be the winner, who will act as the aggressor and who will be the victim, who deserves all-round condemnation in the eyes of the world community, and who needs all-round support. At the same time, the information support of a military conflict determines the mood and therefore effective support for one's own army and population, in addition it plants into the heads of soldiers and the broad masses of the enemy country the idea that their actions are wrong, thus spreading depression and passivity among them. That is why the ideological basis of the information warfare today plays a key role in its preparation, conduct and consolidation of the results in the spiritual values of the society after it ends.

Keywords: ideology; information warfare; information war; values; information and communication technology; fake

For citation: Kaftan V.V., Pogorelyy A.P. The role of ideology in modern information warfare. *Humanitarian and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(6):46-53. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-6-46-53

ВВЕДЕНИЕ

Тема информационной войны в современном мире привлекает к себе самое пристальное внимание. Само понятие «информационная война» (англ. information warfare) впервые использовал Томас Рона в отчете «Системы оружия и информационная война» [1] еще в 1976 г. Данный термин начинает активно употребляться после проведения операции «Буря в пустыне» в 1991 г., а официально закрепляется в директивах министерства обороны США от 21.12.1992 г. и Комитета начальников штабов ВС США TS 3600.1 [2].

Корректность данного определения вызывает сомнения, в первую очередь, потому что «это не война в классическом понимании этого слова, поскольку отсутствует ее главная составляющая — вооруженная борьба» [2]. В конце концов, термин «information and psychological warfare», используемый американцами, может быть переведен и как «информационная война», и как «информационное противоборство» [3]. Возможно, именно поэтому в таком важном документе, как «Доктрина информационной безопасности РФ» определение «информационная война» практически не встречается. С другой стороны, феномен информационного противоборства не вызывает сомнения, а его последствия могут быть таковы, «что позволяют без существенных преувеличений характеризовать этот вид противоборства как бескровный, но смертельный» [4].

Один из теоретиков информационного противоборства М. Либицки использовал также термин, связанный с борьбой культур («cultural warfare») и даже употреблял немецкое слово «kulturkampf» [5]. Китайские специалисты пошли собственным путем и сформулировали собственное определение: «трансграничная орбитальная война» [6], российскому обывателю практически не знакомое. Кстати, китайцы вполне обоснованно считают, что успешно противостоять США сугубо военными методами они вряд ли могут. Шанс на успех у них появляется только при сочетании классических военных средств с трансграничной орбитальной войной.

Независимо от восприятия используемых терминов, наличие информационного противоборства в современном мире не вызывает сомнения. Более того, фактор информационного воздействия на противника существовал всегда. Выделяют четыре исторических этапа развития информационного противоборства, основанные

на следующих технологиях: вербальной, бумажной, технической и телекоммуникационной [7]. Последний этап, появившийся в результате «кибернетической революции» [8], характеризуется тем, что в его рамках осуществлен мощнейший прорыв в создании электронных средств управления, связи и информации, которые выступают управленческими сегментами еще более сложных технических, коммуникационных, производственных и военных систем. Нарушение деятельности автоматизированных систем управления обязательно повлечет за собой коллапс в экономической, политической, социальной сферах жизни общества [9].

Именно поэтому основное внимание государственных структур обращено на обеспечение защиты данных систем от внешнего враждебного воздействия. По этой причине долгое время понятие «информационная безопасность» подразумевало в первую очередь такую деятельность, а защита общественного и индивидуального сознания от деструктивного информационного воздействия оставалась как бы на втором плане. В реальности информационная дестабилизация духовной сферы жизни общества по своим последствиям вполне сопоставима с ущербом от кибернетического терроризма в экономической, политической и социальной сферах вместе взятых.

Цель данной научной работы состоит в выявлении особенностей современной идеологии, раскрытии ее связи с информационной войной, обосновании необходимости создания идеологического базиса информационного противоборства.

МЕТОДЫ И ИСТОЧНИКИ

В работе анализируются теоретические взгляды отечественных и зарубежных социальных мыслителей, разработавших некоторые подходы к изучению идеологии как особой реальности и выявивших отдельные аспекты ее влияния на функционирование индивидуального и массового сознания, формирование и корректировку общественного мнения, духовно-ценностное обоснование информационной войны. При разработке статьи применялся социально-философский анализ, методы аксиологии, коммуникативистики, направленные на выявление сущностных и содержательных характеристик и элементов предмета исследования. В круг источников информации вошли тексты законов РФ, официальные документы

органов власти, монографии, статьи в научных печатных и электронных журналах.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Деструктивное информационное воздействие против исторической России представляло собой важнейший составной элемент «холодной войны», развязанной коллективным Западом [10] сразу после Второй мировой войны и приведшей в конце концов к краху Советского Союза. Впрочем, последствия этой катастрофы отнюдь не удовлетворили наших оппонентов. Информационное деструктивное воздействие на российский социум не просто продолжилось, но было выведено на гораздо более серьезный качественный уровень и затронуло практически все области культуры. Образование, искусство, религия, наука, межэтнические отношения — везде ощущались враждебные российскому обществу информационные диверсии.

Нельзя сказать, что нашим противникам в информационном противоборстве удавалось все, к чему они стремились. Более того, сегодня уже можно констатировать, что главной своей цели — манкуртизации российского общества — они достичь не смогли. Но урон духовной сфере, тем не менее, нанесен колоссальный. И осознание этого требует уяснения, в чем заключалась главная причина поражения и что требуется для того, чтобы избежать подобного в будущем.

Несмотря на то что Запад стремился к уничтожению СССР практически с момента его образования и использовал для этого самые чудовищные методы (сегодня уже ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что германский нацизм был взлелеян западными «демократиями» с главной целью — уничтожить Советский Союз), долгое время ему это не удавалось. Дело в том, что базовым содержанием идеологии советского общества с конца 20-х и до начала 50-х гг. XX в. было стремление построить справедливое общество, в котором каждый человек имел бы возможность реализовать свои способности, причем с пользой не только для себя, но и для всей страны. Идеология «общего дела», когда личность получала шанс на раскрытие своего потенциала через служение высшим идеалам общества, обладала серьезным иммунитетом против различных идеолого-информационных диверсий, генерируемых Западом.

Однако с изменением политического курса, направленного на построение коммунизма,

Н. С. Хрущёвым (прежде всего в материально-экономическом плане) главными ориентирами государства становятся идеи типа «догнать и перегнать Америку...», т. е. меркантильные ценности постепенно вытесняют духовные. С приходом к власти Л. И. Брежнева ситуация не только не изменилась, но приобрела практически необратимый характер. Цели строительства справедливого общества перестали быть значимыми и вызывали у обывателя не столько скептическую улыбку, сколько гримасу раздражения. К концу 80-х гг. идеология коммунизма стала превращаться в набор штампованных фраз, за которыми практически ничего не стояло.

Но борцам с советским строем, ряды которых пополняли в том числе и бывшие идеологические партийные работники (фигура А. Н. Яковлева в этом плане весьма показательна), советская идеология не только вызывала опасения, но и весьма мешала. Поэтому был запущен процесс деидеологизации, в рамках которого окончательно устранились идеи коммунизма.

Надо сказать, что деидеологизация в СССР проходила на пару десятилетий позже аналогичного процесса на Западе, но их итоги поразительным образом совпадали. В первом случае «...результатом процесса деидеологизации становится ее избирательность, проявившаяся в мощной атаке на левые идеологии и способствовавшая триумфальному распространению неоллиберализма» [11]. Практически тот же результат наблюдался и в нашей стране.

Юридическим закреплением этого можно считать принятие в 1993 г. Конституции РФ. Статья 13 Основного Закона запретила народу России иметь государственную идеологию. Под декларируемым «идеологическим многообразием» пришедшие к власти силы пытались внедрить в российские реалии идеологию неоллиберализма. Как уже было сказано выше, конечную цель они достичь не смогли, но урон общественному сознанию российского общества нанесли колоссальный.

Особенно наглядно ситуация проявилась с началом специальной военной операции на Украине. А. Манойло считает, что Запад выстраивает информационное противоборство с Россией в четыре яруса: 1) стратегические информационные операции; 2) спецпропаганда; 3) фейки; 4) оперативные игры [12]. Основным объединяющим началом всех этих форм является их лживость и циничность. Для ее характеристики сегодня

даже предлагают новый термин — «пропаганда 2.0» [13].

Особое внимание хотелось бы обратить на фейки, которые следует рассматривать как «инструмент нейролингвистического программирования» [12]. «По своим разрушительным последствиям для общества и отдельных граждан действия по применению такого *информационного* оружия можно приравнять к понятию “терроризм”» [14]. Каждый отдельный фейк сам по себе ничтожен, его существование исчисляется днями, а то и часами. Но ряд ученых (например, М. Гладуэлл, автор «теории разбитых окон») не без основания полагают, что в повседневной жизни люди руководствуются теми поверхностными, слабыми сигналами, которые исходят от всей окружающей среды. Если из всех возможных источников будет поступать фейковая информация, то человек неизбежно окажется под ее воздействием.

Более того, формальная смена информационного фона не приводит к устойчивости человеческого сознания. Показательным является пример, приведенный специалистом в сфере информационных технологий И.С. Ашмановым еще до начала СВО. Супруги жили и работали на Украине в 20 км от границы. Эта пара «...после обработки украинским ТВ и разговорами коллег с понедельника по пятницу приезжала на выходные в Россию абсолютными бандеровцами-фашистами, ненавидящими все русское, а после двух дней споров с семьей и русского ТВ утром в понедельник выезжала из России убежденными русскими имперцами, ненавистниками западного фашизма и киевской хунты...» [15]. То есть никакого информационного и психологического иммунитета не вырабатывается даже при многократном повторении.

С началом СВО на Украине фейковое воздействие на российское общество приобрело просто невероятные масштабы. По сообщению директора Лиги безопасного интернета Е. Мизулиной, с 24 февраля количество фейков о проведении СВО и о России составило 6,5 млн а сумма расходов информационной атаки на РФ достигла 1,5 млрд долл.¹ Не менее мощное (скорее, гораздо более мощное) информационное воздействие обрушилось на украинского и западного обывателя. Естественно, такой информационно-идеологический поток не мог не оставить последствий. Но

результат в России и за ее пределами существенно отличается. Да, к сожалению, на Западе и на Украине фейковая информация принесла свои плоды. Россия, российская армия и в целом российское общество были подвергнуты расчеловечиванию и так называемой «культуре отмены». Но даже там не все так однозначно. Многие «трезвые головы» задумываются, и чем дальше — тем сильнее.

В России же ситуация оказалась совсем иной. По крайней мере, это касается большинства населения, за исключением некоторых социальных групп. Основа такого положения дел начала закладываться примерно с 2008 г., после окончания грузино-югоосетинского конфликта. Именно тогда наша страна, одержав военную победу над грузинскими агрессорами, вчистую проиграла информационное противостояние с Западом. Выводы были сделаны и уже к моменту государственного переворота на Украине в 2014 г. ситуация изменилась. Особенно наглядно это показало отношение российского общества к Президенту РФ: «рейтинг одобрения В. Путина в феврале 2014 г. составлял 69%, в марте того же года вырос до 80% и до сентября 2015 г. колебался в пределах 80–89%» [16].

В России проводится большая работа по практическому противодействию фейкам. В качестве примеров можно упомянуть деятельность группы молодых специалистов под руководством А. Манойло в рамках федерального молодежного форума «Дигория» в Северной Осетии. Прекрасно себя показал ресурс «вбросам.net»². С начала СВО на Первом телевизионном канале на регулярной основе действует программа «Анти-фейк», представленная также в полном объеме и в интернете. Практически в каждом номере газеты «Красная звезда» публикуется рубрика «Война с фейками», в которой аргументированно разбираются различные лживые информационные вбросы. Вряд ли перечисленных мер достаточно для действенного противостояния лжи, но с чего-то надо начинать.

Следует обратить внимание на то, что противодействие фейковой информации (вкуче со стратегическими информационными операциями, спецпропагандой и оперативными играми) представляет собой (если можно так выразиться) тактический и отчасти оперативный уровень информационного противостояния. Конечно, это важно, и об этом уже было сказано выше. Но как

¹ URL: <https://tass.ru//obschestvo/14463169?ysclid=lcvtihkgcz537295021>

² URL: https://vpk.name/news/508613_nuzhny_dezinfektory.html?ysclid=lq3s4zxecg433966931

в классической войне, так и в информационном противоборстве тактика обязательно должна сочетаться со стратегией. Более того, стратегия всегда первична. К сожалению, с этим у России сегодня серьезные проблемы.

Дело в том, что стратегическая составляющая информационного противоборства должна опираться на адекватную национальную идею (национально-государственную идеосистему). Авторы Конституции еще в 1993 г. таковую запретили. Вернее, запрещена была государственная идеология, т.е. декларирование и разработка идеологии на официальном государственном уровне. Но как всему обществу, так и отдельным его членам невозможно запретить ориентироваться в своей жизни на важные и значимые для них идеи и ценности. Правда, можно путем долгой и подлой подрывной идеологической работы подвести к мутации общественное сознание, что мы сегодня наблюдаем на Украине. России в этом плане повезло, — в нашем здоровом социуме удалось побороть «сатанинский вирус», внесенный в него неолибералами. Посредством жертвенного труда родителей, учителей, воспитателей и многих честных людей получилось удержать большую часть народа в адекватном состоянии.

Но во многом интуитивное восприятие россиянами сущности добра и зла, в точном соответствии с тютчевским «Умом Россию не понять...», способно выступать основой в лучшем случае только оборонительной информационной стратегией. А, как известно, «войны в обороне не выигрывают». Для того чтобы победить в том информационном противостоянии, участниками которого мы являемся, следует оборонную стратегию преобразовывать в наступательную. Сделать это можно, только переведя восприятие основных идей национально-государственной идеосистемы российского социума из неявного, интуитивно-чувственного, на вербально-рациональный уровень. То есть идеологию необходимо облекать в понятные идеологемы и лозунги, объясняющие людям, для чего и как жить.

Данный процесс происходит в России уже несколько лет. Достаточно часто можно встретить заявления о необходимости изменения содержания 13-й статьи Конституции, т.е. понимание ее разрушительного воздействия на общественное сознание становится уже «общим местом».

Свидетельством «идеологического воздействия» выступает поляризация общества, которая началась после 2014 г. и приобрела особую остро-

ту с началом СВО. Сегодня действительно пришло то время, когда каждый гражданин должен честно осознать — с кем он, что для него дорого и каким он видит будущее своей Родины и мира. Метания творческой «элитки», «галкиных», «макаревичей», «смольяниновых»; позорное бегство из страны разновозрастных «мальчиков», испугавшихся мобилизации (хотя подавляющее большинство из них никто бы и не призвал); словесные баталии между диванными экспертами в интернете — все это только «верхушка айсберга», с которым столкнулось наше общество. Этот сложный, но необходимый путь «очищения» мы обязаны пройти.

Очень тяжело, со скрипом, но все же государственная машина движется к формированию собственной идеосистемы. Изменения в Конституцию страны, внесенные в результате всенародного голосования в июле 2020 г.³, — первый серьезный шаг на этом пути. Особое место в данном процессе заняла Стратегия национальной безопасности, принятая 2 июля 2021 г.⁴, в которой впервые среди стратегических национальных приоритетов была названа «защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти». Огромное значение имеет Указ Президента России от 9.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁵.

Достаточно часто слышны заявления о том, что государственная идеология — это инструмент тоталитарного государства, свидетельство удушения свободы. Эта «песня» слишком знакома, мы слышали ее как раз тогда, когда формулировалась 13-я статья Конституции. В первую очередь не следует рассматривать сильное государство как тоталитарное — это подмена понятий, и авторы Конституции в пункте 2 статьи 13 уточняют: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве *государственной* или *обязательной*». Это не синонимы: обязательная идеология представляет собой неперенный элемент тоталитарного режима, государственная же, определяющая важнейшие для общества ценности, не навязывает их всем без исключения. Такая система, скорее всего, соотносится с понятием авторитаризма, основанного не на принуждении, а на уважении.

³ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=lq3s79f5yq750093099

⁴ URL: <https://base.garant.ru/401425792/>

⁵ URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/?ysclid=ld35b1q7ft601648201>

Западная цивилизация не видит большой разницы между тоталитаризмом и авторитаризмом, и понятно, почему. Можно ли сказать, что у жителей США, Германии или Франции такие личности как Байден, Шольц, Макрон вызывают уважение, и что они обладают авторитетом? О какой демократии может идти речь, если в Евросоюзе решения, от которых зависят судьбы миллионов людей, принимаются персонажами типа У. фон дер Ляйен, Ж. Борреля, Ш. Мишеля, которые оказались на своих постах не путем демократических выборов, а в результате кулуарных интриг.

Не вызывает сомнений, что деятельность коллективного Запада опирается на собственную идеологическую стратегию. О том, что в основе действий США и их сателлитов лежит идеология неолиберализма, известно практически всем. Конечно, классический либерализм XVII в. прошел долгий путь, и в современной интерпретации достаточно сложно увидеть его изначальные идеи. Тем не менее современный мир представляет собой результат практической реализации ценностей именно этой идеологии. Россия сегодня оказалась первым государством, посмеявшимся не просто усомниться в праве на монополию этой идеологии, но заявившим о готовности ей противостоять.

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ показывает, что для создания идеологии необходима не только система привлекательных идей, но и обоснование ценностного фундамента, цивилизации, государства, общества. Ведь, как утверждал Оноре де Бальзак, бороться с идеей может только идея. Что мы можем противопоставить неолиберализму? Идеологии коммунизма и национализма для этого не годятся — они такое же порождение западной

цивилизации, как и либерализм. Иначе говоря, поиск основы национально-государственной идеосистемы России в треугольнике «либерализм — коммунизм — национализм» представляет собой блуждание в замкнутом круге. Все это, несомненно, нужно изучать, но использовать как фундамент национально-государственной идеосистемы, как минимум, опасно.

Поиск должен вестись в области национальной культуры и истории, в направлении изучения основных составляющих элементов «идейно-нравственного кода» российской цивилизации. Но это только первый этап поиска. Идеология обязательно должна опираться на знание истории, причем — правдивое, поэтому озабоченность поиском «исторической правды», которую выражают как первые лица государства, так и миллионы простых граждан, абсолютно оправдана.

Наши противники не просто вольно трактуют исторические факты, — их цель заключается в том, чтобы поразить «центральное идентификационное ядро» [17] российского социума, формировавшееся на протяжении всей нашей истории. Не будет преувеличением, если сказать, что защита этого ядра, опирающаяся на деятельность по сохранению исторической памяти, представляет собой важнейший элемент национальной безопасности.

Кроме того, чтобы идеология стала основой наступательной информационной стратегии, ей необходимо опираться на реальное видение будущего. От того, насколько адекватно удастся связать прошлое и будущее цивилизации, зависит ее выживание. Выполнение этой задачи под силу только всему российскому обществу во главе с лучшими его представителями, способными, как говорилось выше, интуитивные чаяния народа облечь в четкие и понятные вербально-рациональные формы.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

ACKNOWLEDGMENTS

The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budget funds under the state order to the Financial University.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Rona T.P. *Weapon Systems and Information War*. Seattle, WA; 1976.
2. Лата В. Ф., Анненков В. А., Моисеев В. Ф. Информационное противоборство: система терминов и определений. *Вестник Академии военных наук*. 2019;(2):128–137.

3. Лабуш Н.С. К вопросу о теории информационной войны в конфликтологической парадигме. *Конфликтология*. 2014;(4):105–128.
4. Алексеев А.П. Общество в условиях информационной войны: вопрос интеллектуального суверенитета. *Философия и общество*. 2017;(2):18–27.
5. Алексеев А.П., Алексеева И.Ю. Цифровизация и когнитивные войны. *Философия и общество*. 2021;(4):39–51.
6. Мехтиева Н.Р. Информационные войны как «цифровой» аспект цивилизации. *Век глобализации*. 2017;(3):77–89.
7. Грызлов В.М., Перцев А.Б. Информационное противоборство. История и современность. *Вестник Академии военных наук*. 2015;(2):124–128.
8. Гринин Л.Е., Гринин А.Л. Демографический срез исторического процесса. Статья первая. Демографические трансформации vs производственные революции. *Философия и общество*. 2022;(3):5–39.
9. Леонова О.Г. Кибервойна и противоборство в цифровом информационном пространстве. *Информационное общество*. 2018;(2):43–46.
10. Прокофьев В.Ф. Особенности современных информационных войн. Уроки на будущее. *Вестник Академии военных наук*. 2022;(3):109–114.
11. Погорелый А.П. Деидеологизация и реидеологизация: мировой и отечественный опыт. *Социально-политические науки*. 2022;(4):77–82.
12. Манойло А. Информационная война в контексте специальной военной операции на Украине. *Международная жизнь*. 2022;(12):74–83.
13. Почепцов Г. Пропаганда 2.0: Новые измерения в действии, 2015 г. URL: <https://flibusta.club/b\579972\read>
14. Кривенко С.М. Гуманитарные аспекты сирийской операции в зеркале информационной войны. *Военный академический журнал*. 2017;(2):58–66.
15. Ашманов И. Ментальные эпидемии и «мозговые» вирусы в эпоху информационных войн. *Вопросы культурологии*. 2019;(4):46–53.
16. Зайцев И.О. Российская информационная компания в период вооруженного противостояния на востоке Украины в 2014–2015 гг. *Россия и современный мир*. 2018;(3):213–222.
17. Устинкин С.В., Рудаков А.В. Гуманитарные технологии как инструмент разрушения идентичности граждан в современной информационной войне. *Вестник Академии военных наук*. 2017;(4):33–37.

REFERENCES

1. Rona T.P. *Weapon Systems and Information War*. Seattle, WA; 1976.
2. Lata V.F., Annenkov V.A., Moiseev V.F. Information warfare: a system of terms and definitions. *Vestnik Akademii voennyh nauk = Bulletin of the Academy of Military Sciences*. 2019;(2):128–137. (In Russ.).
3. Labush N.S. On the issue of the theory of information warfare in the conflictological paradigm. *Konfliktologiya = Conflictology*. 2014;(4):105–128. (In Russ.).
4. Alekseev A.P. Society in an information war: a question of intellectual sovereignty. *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and society*. 2017;(2):18–27. (In Russ.).
5. Alekseev A.P., Alekseeva I. Yu. Digitalization and cognitive wars. *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and society*. 2021;(4):39–51. (In Russ.).
6. Mekhtieva N.R. Information wars as a “digital” aspect of civilization. *Vek globalizacii = The age of globalization*. 2017;(3):77–89. (In Russ.).
7. Gryzlov V.M., Pertsev A.B. Information warfare. History and modernity. *Vestnik Akademii voennyh nauk = Bulletin of the Academy of Military Sciences*. 2015;(2):124–128. (In Russ.).
8. Grinin L.E., Grinin A.L. Demographic cross-section of the historical process. Article one. Demographic transformations vs production revolutions. *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and society*. 2022;(3):5–39. (In Russ.).
9. Leonova O.G. Cyberwar and confrontation in the digital information space. *Informacionnoe obshchestvo = Information society*. 2018;(2):43–46. (In Russ.).
10. Prokofiev V.F. Features of modern information wars. Lessons for the future. *Vestnik Akademii voennyh nauk = Bulletin of the Academy of Military Sciences*. 2022;(3):109–114. (In Russ.).

11. Pogorely A. P. De-ideologization and re-ideologization: world and domestic experience. *Social'no-politicheskie nauki = Socio-political sciences*. 2022;(4):77–82. (In Russ.).
12. Manoilo A. Information warfare in the context of a special military operation in Ukraine. *Mezhdunarodnaya zhizn' = International life*. 2022;(12):74–83. (In Russ.).
13. Pocheptsov G. Propaganda 2.0: New dimensions in action, 2015. URL: <https://flibusta.club/b\579972\read> (In Russ.).
14. Krivenko S. M. Humanitarian aspects of the Syrian operation in the mirror of the information war. *Voennyj akademicheskij zhurnal = Military academic journal*. 2017;(2):58–66. (In Russ.).
15. Ashmanov I. Mental epidemics and “brain” viruses in the era of information wars. *Voprosy kul'turologii = Issues of cultural studies*. 2019;(4):46–53. (In Russ.).
16. Zaitsev I. O. Russian information company during the armed confrontation in eastern Ukraine in 2014–2015. *Rossiya i sovremennyy mir = Russia and the modern world*. 2018;(3):213–222. (In Russ.).
17. Ustinkin S. V., Rudakov A. V. Humanitarian technologies as a tool for destroying the identity of citizens in a modern information war. *Vestnik Akademii voennyh nauk = Bulletin of the Academy of Military Sciences*. 2017;(4):33–37. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Виталий Викторович Кафтан — доктор философских наук, профессор, заместитель руководителя департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса по научной работе, Финансовый университет, Москва, Россия

Vitaliy V. Kaftan — Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Deputy head of the Department of Mass Communication and Media business, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-1753-862X>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

VVKaftan@fa.ru

Александр Павлович Погорельй — кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Университет радиоэлектроники, Череповец, Россия

Alexandre P. Pogorelyu — Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, the head of Department of Humanities and Social — economic disciplines, University of radioelectronics, Cherepovets, Russia

<https://orcid.org/0009-0005-9824-7734>

Apogor44@yandex.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 12.09.2023; принята к публикации 25.10.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 12.09.2023; accepted for publication on 25.10.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.